

Чтобы сойти за обычного бахчевода, Пэй Хуайюй отправился в путь пешком, оставив любимого коня А-Сюэ на подворье у крестьян.

Весть о том, что бесчинствовавшая на бахче нечисть наконец изгнана, вмиг разнеслась по округе. Крестьяне ликовали — кое-кто от радости даже принял в гонги бить посреди ночи.

Вот только самому Пэй Хуайюю было совсем не до веселья.

Если верить Су Яню, Вэй Чжунмоу сейчас преспокойно отдыхал в Сицзине. А ведь всего час назад этот человек лично разрабатывал план, как поймать нечисть на живца. В итоге сам Хуайюй безупречно отыграл роль беззащитной жертвы, тогда как главный загонщик попросту развернулся и ускакал в столицу.

Су Янь спустился с гор всего три месяца назад и впервые в жизни видел кого-то, кроме себя и наставника. Тонкостями человеческого общения он не владел, да и слов утешения подбирать не умел. А потому, пока молодой господин Пэй кривился с такой миной, словно вот-вот разрыдается, даоси безучастно стоял рядом, храня молчание.

Хуайюй понимал: нечисть одолел Су Янь, и оставлять спасителя без награды негоже — даже если обещанные деньги унёс с собой Вэй Чжунмоу. Скромные сбережения, собранные бахчеводами, богатого наследника не интересовали. Всё с тем же унылым видом он сорвал с пояса дорожную нефритовую подвеску и бросил её даоси — в счёт уплаты за труды.

Су Янь отказываться не стал. Узнав, что это честная плата за изгнание беса, он коротко кивнул и убрал нефрит за пазуху.

Пэй Хуайюй украдкой покосился на спутника. Видя, что тот даже не пытается выдавить из себя слова притворного сочувствия, юноша парадоксальным образом почувствовал облегчение.

Он вырос в холе и неге, привык к роскоши и угодливой челяди, так что столь явное равнодушие к его персоне казалось ему глотком свежего воздуха.

Стоит признать, что в семействе Пэй молодой господин слыл фигурой весьма незаурядной.

Родословная его внушала благоговение: отец — прославленный полководец великой Чжоу Пэй Цюн, мать — принцесса Минлан, любимица покойных государя и государыни. Несмотря на отменное здоровье, принцесса долго не могла понести, и рождение Хуайюя стало для супругов настоящим чудом. Муж и жена души друг в друге не чаяли. Пэй Цюн справедливо рассудил, что одного сына для продолжения рода вполне достаточно, и заводить наложниц даже не думал, а принцесса Минлан тем более не собиралась впускать в дом раздор. Так они и жили, оберегая своё единственное чадо от любых невзгод.

Мальчик вырос на загляденье — хорош собой, статен, да к тому же лишён спеси и капризов,

коиими обычно грешат избалованные барчуки. Он отличался живым умом и схватывал любые знания буквально на лету.

Имелась лишь одна слабость — непостоянство. Юноша загорался быстро, но так же легко остывал, вечно перескакивая с одного дела на другое. К счастью, отец и не думал отправлять единственного наследника в пекло войны, а мать видела в сыне смысл своей жизни. На причуды отпрыска глава семейства взирал сквозь пальцы, тогда как принцесса Минлан потакала любым его капризам.

Чуть больше двух месяцев назад, наглядевшись представлений театра теней об отважных заклинателях, Пэй Хуайюй вознамерился лично постичь тайные искусства. Узнав о прихоти сына, принцесса Минлан сразу вспомнила про Государственного наставника — кому, как не первому даосу империи, доверить обучение наследника?

Простому человеку до Государственного наставника не достучаться, но перед принцессой Минлан двери дворца распахивались без промедления. Император питал слабость к своему обаятельному племяннику и, едва услышав о его затее, тотчас призвал великого даоса и велел взять Пэй Хуайюя в ученики.

Опасаясь, как бы изнеженный юнец не пострадал в настоящем бою — ведь тогда перед принцессой Минлан вовек не оправдаешься, — государь с глазу на глаз велел наставнику лишь делать вид, что обучает мальчишку, не подпуская его к подлинным опасностям.

Не подозревая о заговоре царственного дядюшки и любящей матушки, Пэй Хуайюй уже видел себя великим мастером, повелевающим грозами, призывающим ливни и изгоняющим древнее зло ради спасения невинных. Окрылённый мечтами о славе, он вернулся домой, а наутро во всеоружии явился к воротам резиденции Государственного наставника.

Наивным он, быть может, и был, но уж точно не глупым.

Прокручивая в голове всё, что происходило за последние два месяца, Пэй Хуайюй начинал понимать истинную суть вещей. Прежде он наивно полагал, будто Вэй Чжунмоу проявлял к нему спасительную строгость, заставляя стоять в стойке всадника на полчаса дольше остальных. Теперь же всё встало на свои места: его попросту изводили. Этот завистник спал и видел, как бы побольнее уколоть знатного выскочку, а вылазка на бахчу должна была послужить для этого идеальным предлогом.

Впрочем, Пэй Хуайюй владел редким даром вовремя брать себя в руки и сглаживать любые углы. Разложив всё по полочкам, он быстро успокоился и философски рассудил:

«А ведь я и правда попал к наставнику по знакомству. Расскажи кому — от зависти живьём сожрут, не то что Второй старший брат извёлся. Эх, глупо винить простых смертных. Грех жаловаться, когда ты любимчик небес. Судьба у меня такая, ничего не попишешь»

Он невольно потянулся к шее, на которой всё ещё горели багровые полосы, оставленные демоническими лозами. Но едва Пэй Хуайюй представил, как из-за чужой подлости чуть не расстался с жизнью, пока этот трус Вэй Чжунмоу грелся в уютном Сицзине, бывшее благодушие как ветром сдуло.

Одно дело — мелкие каверзы, и совсем другое — покушение на жизнь. Пэй Хуайюй не принадлежал к числу тех, кто безропотно подставляет вторую щеку.

Он прищурился, уже предвкушая, какую сладкую месть приготовит для Второго старшего брата по возвращении в город.

Су Янь вышагивал бок о бок с Пэй Хуайюем, который вёл под уздцы коня А-Сюэ. В двух шагах впереди них плавно покачивался в воздухе тускло сияющий призрачный шар, заменявший им факел. Слушая то обречённые вздохи, то тихое злорадное хихиканье попутчика, даоси не проронил ни слова. Он сосредоточенно смотрел под ноги, обдумывая лишь одно: как одолеть Государственного наставника, когда тот наконец соизволит явиться в столицу.

Наконец Пэй Хуайюю надоело месить грязь в гробовом молчании, и он решил нарушить тишину:

— Даоси, меня зовут Пэй Хуайюй, в быту — Сюаньдэ. Из каких вы краёв? Как мне к вам обращаться?

— Фамилия Су, зовут Су Янь, — сухо отозвался тот.

— Даоси Су, а из какой вы школы? Кто ваш наставник? — не унимался Пэй Хуайюй. — Хоть моего учителя сейчас и нет в городе, если столкнётесь с какими трудностями, смело обращайтесь ко мне. Помогу чем смогу!

Су Янь лишь качнул головой:

— Ни к чему.

— А, ну ладно, — пробормотал юноша и, сообразив, что разговор не клеится, прикусил язык.

Великий Сицзин, блистательная столица империи Чжоу, бурлил жизнью, вмещая в себя больше миллиона душ. Кого здесь только не было: и знатные вельможи, и посланники дальних стран, и заморские купцы, и кружащие головы танцовщицы. Но стоило наступить ночи, как город подчинялся железному закону комендантского часа. С приходом второй стражи над крышами прокатывался гул шестисот ударов колокола. В этот миг запирались ворота всех ста четырёх кварталов и обоих рынков. Город замирал до самого рассвета, пока в пятую стражу четырёхста ударов колокола вновь не пробуждали столицу к жизни.

После вечернего набата наглухо закрывались и все двенадцать городских врат. Ключи от них под строжайшей охраной доставляли в управу столичного градоначальника, и горе тому, кто осмелился бы потребовать открыть ворота раньше срока без личного императорского указа.

Пэй Хуайюй и Вэй Чжунмоу покинули Сицзин в час Обезьяны, когда солнце ещё стояло высоко. Трус-соученик божился, что дело плёвое и они обернутся в один миг. Кто же знал, что всё это окажется подлой подставой. Возвращаться в запёртый город теперь не имело смысла, и Хуайюй повёл своего спасителя к ближайшему придорожному постоялому двору.

Вот только Су Янь его щедрости не оценил. Пока попутчик уверенно шагал к дверям таверны, даоси молча свернули в сторону, устроился под раскидистым дубом, положил рядом ножны и, сняв бамбуковую шляпу, сложил руки на груди. Всем своим видом он показывал, что прекрасно переспит и на траве.

Решив, что у гордого избавителя попросту свищет ветер в карманах, Пэй Хуайюй смекнул: упускать столь удобный случай наладить отношения нельзя. Он тут же подскочил к дереву и зашептал:

— Даоси Су, ночью земля остынет, выпадет роса — простудитесь ведь! Идёмте в тепло, я всё оплачу, не извольте беспокоиться.

— Благодарствую, не стоит, — коротко отрезал Су Янь.

Полунив от ворот поворот, Пэй Хуайюй ничуть не смутился.

— Вы ведь мне жизнь спасли, даоси, — с неизменной улыбкой запел он соловьём. — Разве могу я бросить своего спасителя на сырой земле? Да и дорожная пыль на ваших плечах так и шепчет, что путь вы проделали неблизкий. Из далёких краев пожаловали, верно?

Су Янь слегка опешил от такой пронизательности:

— Как ты догадался?

Хуайюй так и расплылся в улыбке, поняв, что нащупал верную ниточку:

— Говор у вас не здешний. Да и в столице нашей вы, держу пари, впервые. Город этот огромен, и чужакам в нём приходится несладко — недаром в народе бают: «Велик Сицзин, да выжить в нём непросто». Раз уж вы вознамерились дожидаться моего наставника, вам кровь из носу нужно разузнать здешние законы. Иначе по глупости перейдёте дорогу императорской гвардии цзиньувэй или уличным стражникам ухоу — наплачетесь потом в темнице.

Эти слова заставили Су Яня призадуматься. С тех пор как он себя помнил, вся его жизнь проходила на уединённых кручах, вдали от мирской суеты. Из всех законов он знал лишь один

— беспрекословно подчиняться воле наставника. За три месяца скитаний юноша то и дело попадал в немилость к местным уличным стражам, и спастись приходилось лишь с помощью магии да быстрых ног.

До него и раньше доходили слухи, что Сицзин так и кишит скрытыми мастерами. Говорили, будто даже среди рядовых уличных стражей ухуо попадаются люди недюжинной силы. Его нехитрая техника отвода глаз да прыгучесть могли одурачить провинциальных ищеек, но против столичной гвардии этого могло не хватить. А раз этот богатенький юнец, хоть и круглый профан в заклинательстве, сам напрашивался в советчики, отвергать его помощь было глупо.

— Ну что ж... Договорились, — согласился Су Янь.

Пэй Хуайюй расплылся в довольной улыбке и гостеприимно повёл рукой:

— Вот и славно! Прошу, даоси Су, после вас.

С момента смертельно опасной схватки на бахче не прошло и пары часов, но легкомысленный Пэй Хуайюй, быстро забывавший любые обиды и страхи, уже вовсю упивался восторгом. Сражение с нечистью теперь казалось ему невероятным, будоражащим кровь приключением. Он долго ворочался на жесткой кровати, безуспешно пытаясь уснуть, пока наконец не решил наведаться в соседнюю комнату к таинственному избавителю. Сводя знакомство поближе под предлогом столичных правил, он надеялся выведать, чьим учеником является этот нелюдимый юноша и кем его школа приходится Государственному наставнику — старыми друзьями или заклятыми врагами.

Тем временем в соседней комнате Су Янь извлёк из-за пазухи потёртый кожаный кисет. Развязав его, он вытряхнул на ладонь несколько глазурированных жемчужин. Три бусины уже налились густой чернотой — сквозь тусклое стекло изнутри то и дело прорывались всполохи призрачного пламени, напоминавшие искажённые в немом крике лица.

Он взял бусину, по которой пробежали темные волны гнева, и несколько мгновений пристально вглядывался в её глубину. Затем, тяжело вздохнув, спрятал обратно.

«Мало... Всё ещё ничтожно мало»

Раздавшийся в тишине стук заставил его вздрогнуть. Су Янь торопливо ссыпал жемчужины обратно в кисет, спрятал его за пазуху и лишь после этого шагнул к двери.

За порогом обнаружился ухмыляющийся во весь рот Пэй Хуайюй.

— Даоси Су! Нам ведь завтра спозаранку в город въезжать, — жизнерадостно затараторил незванный гость. — Позвольте, я поведаю вам о столичных нравах, дабы вы ненароком дров не

наломали.

И пока Пэй Хуайюй без умолку болтал, утомляя молчаливого даоса столичными байками, по широкому тракту между кварталами Весенней Ясности и Вечного Спокойствия чеканил шаг ночной патруль императорской гвардии цзиньувэй.

— Стой! — Командир дозора вскинул правую руку, и пять следовавших за ним гвардейцев замерли как вкопанные.

— Уличный пристав Сян, что там? — вполголоса спросил один из подчинённых.

Сян Шаосюань указал острием ножен в сторону тёмного переулочка:

— Там, у глухой стены. Движение.

Один из стражей, совсем ещё зелёный юнец лет двадцати, тут же вызвался:

— Я проверю, командир.

Он с сухим шелестом извлёк из ножен Меч Хэн и быстрым шагом направился к застывшей фигуре.

— Стоять! Кто таков?! — рявкнул он на весь переулок.

По суровым законам династии Чжоу, каждый, кто осмеливался нарушить комендантский час, подлежал немедленному взятию под стражу. А в случае неповиновения гвардейцы имели полное право пустить в ход оружие и казнить смутьяна прямо на месте.

Исключение делалось лишь для великих торжеств вроде кануна Нового года, праздников Фонарей, Середины осени или Поминовения усопших. В будние же ночи разгуливать по Сицзину дозволялось только обладателям особых пропусков, либо по причине крайней нужды: из-за внезапной хвори, начавшихся родов или смерти родственника. Во всех иных случаях нарушителя ждала неминуемая кара — и будь ты хоть безродным лавочником, хоть важным министром третьего ранга, суровый закон цзиньувэй щадить никого не собирался.

В кварталах Весенней Ясности и Вечного Спокойствия испокон веков селились люди зажиточные. Неудивительно, что здешнее богатство притягивало воров всех мастей, готовых проползти сквозь зловонные нечистоты сточных канав и рискнуть собственной головой ради мимолётной наживы.

Зная это, патрульные никогда не теряли бдительности.

Одинокая тень у стены не шевелилась. Похоже, этот ночной гуляка едва ли мог сослаться на внезапные роды или похороны. Гвардеец поудобнее перехватил рукоять меча, готовый в любой момент пресечь попытку бегства.

То ли бедолага оцепенел от ужаса, то ли ему было глубоко плевать на грозных императорских стражей — он продолжал стоять спиной к патрульному, даже не думая оборачиваться.

Распалившись от подобной наглости, патрульный размахнулся и с силой пнул упрянца под колено:

— Сволочь, оглох?! А ну... Какого чёрта?! Что за...

Парень не поверил своим ощущениям: его сапог со свистом пролетел сквозь чужое тело, словно задев пустоту. Он не почувствовал ни малейшего сопротивления.

Поняв, что дело пахнет нечистью, остальные гвардейцы выхватили мечи и с криками бросились на подмогу, беря жуткого незнакомца в плотное кольцо.

И тут «человек» медленно повернулся к ним лицом.

Сквозь спутанные пряди чёрных волос на ошарашенных воинов уставилось нечто невообразимое. На плоском, землистом лице не было ни бровей, ни рта. Правая половина рта отсутствовала вовсе, а вместо правого глаза зияла пустая, сочащаяся слизью глазница.

Воззрившись на замерших в оцепенении воинов, существо искривило уцелевшую половинку рта в беззвучной, издевательской ухмылке.

<http://bllate.org/book/18419/1766199>